

М.Г. Павловец, М.Г. Павловец

Тихий Дон
Основное содержание

Книга первая

Часть первая

Лишь внешне покоен и тих Дон-батюшка — на самом деле река, подобно человеческой жизни, полна бурных перекатов, стремнин, водоворотов. «Текущее стремя» Дона также напоминает размеренный, исторически сложившийся уклад донских казаков.

На самом краю хутора Татарского Вешенской станицы (далее только Дон) расположился двор Мелеховых. «Турками» прозвали их хуторяне не случайно, не случайно черная масть пробралась в древний казацкий род. Из турецкого похода вернулся Прокофий Мелехов с молодой женой-турчанкой. Не по нраву пришлась она казакам: больно тонка и черна, не русской красоты, да и одевается странно, а потому мор, поразивший хуторской скот, был связан с появлением среди них турчанки, не иначе как колдуньи. Хоть и отстаивал Прокофий любовь свою с саблей в руках от обезумевших со страху суеверных хуторян, что рвались в дом учинить над ней расправу, да не спас жену, родившую ему преждевременно сына Пантелея, похожего на мать лицом и «подбористой» фигурой. Отцову статью перенял потом младший Пантелеев сын, и миндалины черных горячих глаз, и острые скулы, обтянутые коричневой кожей, и острый с горбинкой нос, — даже сутулился Григорий по-отцовски. Старший, уже женатый, Петр ходил во всем на мать, преждевременно состарившуюся, но все такую же скорую, подвижную Ильиничну. Дочь Дуняшка — отцова слабость, да Петрова жена Дарья с ребенком — вот и вся Мелеховская семья.

Были они семьей дружной, уважаемой всеми, зажиточной, хозяйствовали добротнo, ответственно. Так, Григорий, однажды разбуженный ни свет ни заря своим дружком (отчаянным и драчливым, по мнению Ильиничны) Митькой Коршуновым, согласился участвовать в конном состязании с сотником Листницким, чтобы поддержать Митькину казачью честь, но ушел втайне от отца, оседлав старую, оставленную на племя матку (впереди покос, и стоит побережь необходимых в работе лошадей). Сами по себе состязания заслуживают особого внимания: сын местного барина сотник Листницкий вызвал Митьку, считая, что нет равных его поджарой кобылице, мать которой брала призы на офицерских скачках в самом Петербурге. Но победил все-таки Митькин жеребец, резвей которого в округе не найти, Листницкий отступил, полностью поражения не признав (кобылица сделала перед этим пробег в полтораста верст, была бы посвежей — обязательно выиграла). И все же казачий конь победил.

Давно стал замечать Пантелей Прокофьевич взгляды, бросаемые Гришкой на соседскую жену Аксинью. Не раз уже «воспитывал» он бесстыжего сынка. Да только не впрок пошла отцова наука Мелехову Григорию. И взорвалась размеренная хуторская жизнь с ее обыденными делами, проблемами и развлечениями-игрищами непонятной страстью Гришки и Аксиньи. Не успела жена проводить Астахова Степана на майские сборы (дело ежегодное для казаков), как бросила ее эта поздняя бабья любовь в самое пекло Гришкиной страсти. И если бы «жалмерка» Аксинья бегала тайком к соседу Мелехову, если бы Григорий скрытно-незаметно хаживал к жалмерке Аксинье — все бы ничего, дело для хутора привычное. Но «гордо и высоко несла свою счастливую, но срамную голову» Аксинья Астахова, будто переродившись с той ночи на луговом покосе, проведенной с Григорием Мелеховым. За всю свою исстрадавшуюся жизнь решила отлюбить Аксинья. Страшное проклятье лежало на ее роду: в шестнадцать лет была изнасилована она своим

пятидесятилетним отцом. Мать с братом забили старика до смерти, а через год выдали дочь за Степана. После первой же ночи стал тот избивать свою молодую жену, не поверив в ее непорочность, бил нещадно года полтора, до рождения ребенка, который умер, не прожив и года. И все так и продолжалось: Степан бил Аксинью, не ночевал дома, пил, пока Мелехов Гришка не стал Аксинье поперек пути.

Слухи с хутора привезла Степану в лагерь жена Андрея Томилина. С той поры стал Астахов чернеть, худеть. И что-то недоговоренно-грязное вмешалось в отношения двух неразлучных прежде друзей — Петра и Степана. В крепкий узел завязалась вражда на обратном пути — случай вмешался: охромел конь Астахова, и Астахов обвинил в этом Петра. Вылив всю накопившуюся злобу на бывшего товарища, домой Степан вернулся опустошенным — это и спасло Аксинью. Поел, попил и... начал бить. Бил мастерски, со стороны казалось — мужик казачка вытанцовывает. Полюбовался мужеской расправой Шамилин Алексей, увидели и братья Мелеховы. Увидели и в драку ввязались — за всю свою обиду мстил Петр, во весь свой буйный нрав разошелся Григорий.

Узнав о связи сына с Аксиньей Астаховой от купца Мохова, отец твердо решил женить его на Наталье Коршуновой — дочери первого богача в хуторе. Боясь отказа, Пантелей Прокофьевич очень нервничал, однако твердого союзника, сам того не подозревая, нашел в юной красавице Наташе, влюбившейся в Григория Мелехова. Ее отец, Мирон Григорьевич, перечить любимице не стал, тем более что и жена, худосочная трудолюбивая Лукинична, переживая за старшенькую, проходу ему не давала. День свадьбы обговорили во второй визит сватов — на первый Спас.

Оценив все достоинства своей невесты (стройный стан, миловидное лицо, длинные ноги, прямой взгляд и привыкшие к работе руки), Григорий твердо решил порвать прежнюю сумасшедшую связь. Чего угодно ждала от него Аксинья (побега, тайных встреч, даже убийства мужа), но только не расставания. А потому хоть и плакала, и мучилась больше прежнего, но для себя твердо решила: Григорий мой, и быть ему моим вечно. У Мелехова же неизвестно почему временами сосало под ложечкой (началось это после последней встречи с Аксиньей в подсолнухах за домом), но уйти из дому, как предложила ему Ксюша, он никак не мог — задохнется он без вольного степного ветра. Да и родство отец ему подобрал знатное, богатое, пора уже и самому на ноги становиться.

Свадьба Григория Мелехова и Натальи Коршуновой прошла шумно, с соблюдением всех народных традиций, с заунывно-красивыми песнями и задиристыми танцами. Не до веселья, кажется, было только жениху, которого одолевал голод, раздражал шум, натирала ноги зерна пшеницы, насыпанные по народному обычаю в сапоги. Три раза поцеловал он в церкви молодую жену в безвкусные влажные губы, повторяя про себя одно: «Отгулялся... отгулялся...»

Вопросы и задания

1. Прочитайте часть первую книги первой «Тихого Дона». Какие сцены и эпизоды казачьей жизни особенно близки писателю, какие из них являются показателем нормальной жизни? (Гл. II, III, IV, VIII, IX, XV, XXI-XXIII и др.)
2. Опровергните примерами из текста распространенное мнение критиков, что Шолохов идеализирует казачество. (Гл. I, VII, XIV.)
3. Какую роль в этой части играет эпизод соревнования казака Коршунова и сотника Листницкого? (Гл. VIII.)
4. Сопоставьте портретные описания Петра и Григория, Аксиньи и Натальи. Подумайте, как различия во внешности героев передают различия их характеров. (Гл. I, X, XII, XV и др.)

Часть вторая

Еще не затихли окончательно пересуды вокруг Мелеховых и Астаховых, как спокойную жизнь хутора взорвала другая новость. Оказалось запятнанным прежде чистое имя Елизаветы Моховой, дочери местного купца Сергея Платоновича. Виновником сплетен на этот раз оказался Митька Коршунов, в прямом смысле соблазненный на рыбалке не по годам развитой Лизой. Митька готов был исправить свой грех, женившись на Елизавете. Однако сватовство это всерьез воспринял только дед Гришака, считавший родство с казаком для мужика Мохова честью. Ни Митькин отец, ни Елизавета предложение Коршунова-младшего слушать не стали. Сам Мохов, когда Митька пришел со своим сватовством, натравил на наглеца цепных псов.

Никого на хуторе не удивил отказ купца Мохова. Был он роду не менее древнего, чем многие из казаков, живущих в станице Вешенской. Долгое время хранилась у Моховых грамота, жалованная прадеду воронежским воеводой, посылавшим его в бунтовскую станицу надсмотрщиком. Дед Сергея Платоновича разорился, а потому всем сегодняшним достатком Мохов был обязан только собственной сметливости и прижимистости. Весь хутор Татарский и окрестные хутора держал Сергей Платонович в своих руках. От первого брака было у него двое детей — дочь Елизавета и сын Владимир, гимназист пятого класса. Вторая жена оказалась бездетной, к чужим детям относилась невнимательно, поэтому росли они без надлежащего досмотра, внимания и ласки. Выросли совсем разными и далекими друг другу и своей семье. По вечерам в моховском доме собиралась вся хуторская интеллигенция на чаепитие: студент Московского технического училища Боярышкин, учитель Баланда, учительница Марфа Герасимовна, почтмейстер, изредка наезжал из поместья Евгений Листницкий.

Новость придавила Сергея Платоновича, дня три он из дома не выходил, дочь же отправил в Москву на курсы. И жизнь на хуторе пошла своим чередом: молотьба, пахота, сходы, порубка хвороста... В каждом доме текла своя горько-сладкая жизнь. Наталья сразу пришлась Мелеховым ко двору: работящая, расторопная. Старики нарадоваться не могли, любясь и жалея свою младшую невестку. Григорий же все более убеждался, что не сможет избавиться от страсти к Аксинье, все больше понимал, что не прожить ему жизнь с Натальиной застенчиво-холодной любовью. Неотступность Аксиньи и молчаливое смирение Натальи сделали свое дело: невестка решила уйти из дома свекра, а Пантелей Прокофьевич, по горячему своему нраву (в котором сын отцу явно не уступал), выгнал Гришку со двора. Так впервые, в запальчивости, Григорий покинул родной дом, родной хутор, устроившись конюхом к помещикам Листницким и забрав с собой безумно счастливую Аксинью.

Новую Гришкину работу казаки одобрить не могли — в холуи подался. Не понял его и сам старый помещик, казачий генерал, Николай Алексеевич Листницкий, отчеканив: «Какой же из тебя будет казак, ежели ты наймитом таскаешься?» Однако на работу взял, прекрасно помня боевые заслуги деда и отца Мелехова. А служба эта и вправду не пошла Григорию впрок: потучнел, обленился — портила казака легкая, сытая жизнь. Аксинья пристроилась при кухне. Работы по дому было немного, так как давно овдовевший генерал жил жизнью неприхотливой, суровой. Его сын Евгений Листницкий после кадетского корпуса служил сотником в лейб-гвардии Атаманском полку, наведываясь к отцу в Ягодное в отпуск.

Между тем на хуторе поселился чужак из Ростова — слесарь Иосиф Давыдович Штокман. Привез его с женой в конце октября Федот Бодовсков, жить они остановились у вдовы Лукешки. До поры до времени слесарь не показывался людям на глаза, а через неделю учинили казаки обычную для всех расправу над «хохлами». Произошло это на мельнице, бились насмерть (не до игр): кто-то с давних пор заботливо разжигал и поддерживал эту рознь. И лилась соседская кровь уже которое столетие. В одну из таких драк и вмешался Иосиф Давыдович, пытаясь остановить казаков. Правда, слушать его

казаки не стали — «чужак», да и речи ведет непонятные: об истории казаков — русских мужиков, бежавших на вольный Дон от крепостного рабства, но время было упущено.

Так не прошел первый опыт Штокмана, тем не менее вода камень точит. Постепенно стали в доме Лукешки на половине Штокмана собираться казаки: приходил Христоня, Валет — работник с мельницы Сергея Платоновича, Давыдка, уволенный Моховым по доносу Владимира-«наследника», машинист Котляров Иван Алексеевич, постоянным гостем был и Мишка Кошевой, молодой казак, еще не отслуживший в действительной. Не сразу компания эта сколачивалась, начали с игр в подкидного дурака, а потом как-то незаметно, благодаря стараниям все того же Штокмана, перешли на чтение разных книг (сначала стихи Некрасова, Никитина, а потом подсунул Иосиф Давыдович Мишке-чтецу промасленную книжечку «Краткая история донского казачества» — про Пугачева, про вольную жизнь, про Стеньку Разина и Кондратия Булавина). Вот тут только проняло казаков вдумчивое чтение: забурлили, заспорили. Хоть и жили хуторяне замкнуто, за двумя ставнями, дальше станицы бывать-то нигде не хотели, да по долгу службы многим довелось посмотреть разные земли, и потом рассказывали о небывалых порядках и укладах старые и молодые служивые казаки. Вот и на этот раз припомнил Христоня смешной случай, происшедший с ним во время службы в Петербурге. Студенческая шутка с портретом Карла Маркса, за чье здоровье просили выпить казачков ребята, подвела гостей Штокмана к совсем серьезному разговору, выходящему за рамки их нехитрых понятий и суждений, а к такому повороту казаков необходимо было еще подготовить.

Наталья вернулась в отчий дом. Ничего хорошего не обещала ей такая перемена, плохое предзнаменование сопутствовало ее возвращению: пятилеток-бугай распорол шею кобылице. Ни жена и ни вдова — молча сносила Наталья и жалость, и ругань, и скабрёзности (родной брат — Митька — проходу не давал сестре). Писала Григорию, чтобы выяснить до конца свое положение — ответ был краток и жесток. На Пасху чаша терпения ее переполнилась, и решила Наталья покончить с такой жизнью. Самоубийство не удалось, через семь месяцев поднялась на ноги. С той поры голову держать стала чуть набок — перерезала «жилу нужную». Пантелей Прокофьевич, переживая случившееся как свою вину, предложил Наталье вернуться в дом Мелеховых.

До Григория доходили слухи с хутора: то сам с паном приезжал, то брат навестил; однажды на охоте (догнав волка и перерезав ножом глотку бирюку) поднял он глаза и узнал в казаке, помогавшем осилить волка, Степана, заметно опустившегося, небритого, дрожащего от недавней погони и ненависти. Побывал с визитом в Ягодном и сам Пантелей Прокофьевич; Аксинья к тому времени родила Григорию дочь. Беременность скрывала, пока можно было, боязнь потерять Гришкину любовь пересиливала счастье рождения ребенка. Роды начались на покосе, а родила Аксинья в дороге прямо в руки Мелехову. Хоть и сомневался Григорий в собственном отцовстве, от ребенка не отказался. Время от времени приглядывался к малышке в поиске своих или Степана черт, да так в сомнении и отходил от колыбельки. За тем и застал Мелехова-младшего призыв на действительную службу. Провожать сына на службу приехал отец: еще до того привез он Григорию «справу» (две шинели, седло, шаровары), теперь был более ласков с Аксиньей, посмотрел ребенка: «В нашу породу».

Оставив Аксинью лить слезы да дочку растить, уехал Григорий Мелехов на четыре года. Пройдя унижительный врачебный осмотр, был приписан в Двенадцатый гвардейский полк (не понравилось врачам черное «бандитское» лицо, да и спина в чирьях — в Атаманский не прошел), лошадь, купленную на сбережения от хозяйской зарплаты да на казенные сто рублей, забраковали. Комиссия долго разглядывала немудреный казачий пожиток. Случайно дотронулся Григорий своей черной рукой до изнеженной ручки пристава — отдернул тот брезгливо, затянул в перчатку. Не прошло это мимо угольных глаз Мелехова, взглянул на пристава с ухмылкой — столкнулись взглядами. Так началась для Григория Мелехова неизвестная до этой поры служба.

Вопросы и задания

1. Патриархальные устои казаков не были настолько жесткими, чтобы родители не спрашивали согласия детей, выбирая им пару. Почему же Григорий, с его строптивым характером, не противился воле отца, женись на Наталье? (Гл. XV, XVIII, XIX.)

2. Сравните жизнь Григория дома на хуторе и в конюхах у Листницких. Почему сытая жизнь у помещика всеми признается недостойной казака? (Гл. III, V, VIII, X; XI, XVI, XX, XXI.)

3. Какие темы вводит в роман появление Штокмана? (Гл. IV, V, VI, IX.)

4. Что отличает «иногородних» Мохова и Штокмана от казаков хутора? Какие поступки этих героев говорят об их чуждости коренному казачеству? (Гл. I, II, IV, V и др.)

5. Какое значение в совместной жизни Григория и Аксиньи имело рождение дочери? Почему Пантелей Прокофьевич уже не настаивал на возвращении сына на хутор? (Гл. XX, XXI.)

6. Какие эпизоды начала военной службы Григория предreshают его дальнейшую нелегкую судьбу? Как это связано с его характером? (Гл. XXI.)

Часть третья

Не все расскажешь в письме, не все опишешь. Не мог и Григорий передать того, что пережил с первых минут своей службы: ни тоску по земле родной, что одолевает казака в красном казенном вагоне, громяющем по чужим незнакомым местам, ни злость и досаду, комом подкатывающие к горлу при незаслуженном оскорблении вахмистра или при высокомерных взглядах, бросаемых лощеными господами офицерами. Не расскажешь и о том, как оторванность от дома измучила и изменила новопризванных, как будто щербинка какая-то появилась в мыслях и поступках до этой поры совсем обыкновенных парней: там, дома, они знали, что делать — сеять, пахать, убирать, ходить на игрища... здесь же все иначе, все ново и незнакомо. Вот и толкает жизнь до этого, может быть, порядочных ребят на поступки страшные, недостойные.

Случилось это весной; в тот день Григорий дневалил на конюшне. Услышав в дальнем углу топот и приглушенный крик, Мелехов направился выяснить, что происходит, и увидел, как казаки насильовали горничную Франю — на все имение, где стояла сотня Григория, это была единственная женщина, не считая пожилой жены управляющего. Ни предупредить, ни остановить насилия Григорий уже не мог. Так и смолчал, крепко стиснув зубы на замечание вахмистра — «ты помалкивай». В первый раз за длинный отрезок времени чуть не заплакал Григорий.

Мелеховы с нетерпением ждали писем от сына, всех волновало, как отнесся он к переезду в дом свекра Натальи (никого не оставляла надежда, что Григорий одумается и вернется домой, к законной жене), беспокоило содержание кратких его ответов, явная недоговоренность, сухость, близость Григорьева полка к русско-австрийской границе и непрекращающиеся разговоры-предупреждения о вероятности войны с Германией.

Слухи о войне все больше завладевали умами хуторян; сама природа, казалось, предупреждала людей о грядущей беде: засушливое лето с выжженной травой, ночная духота, громовые раскаты без дождя, вой сыча на городском кладбище — все предвещало недоброе. Тяжелые думы свои рассеивали старики легкой шуткой, на том и расходились. Случай, всколыхнувший хутор от края до края, как первый выстрел, произошел накануне скоротечного лугового покоса. Приехал становой пристав со следователем и с чернозубым маленьким офицером в форме. Прямоком направились к вдове Лукешке, позвав атамана. Обыск на квартире сделали тщательный. На вопросы Штокман отвечал с ухмылкой, раззадоривая и без того взвинченное начальство. Арестовали всех посещавших его дом казаков и рабочих, допрашивали с пристрастием. Тут и выяснилось, что Иосиф Давыдович — член РСДРП с 1907 года. Штокман был арестован и вывезен с хутора под строгой охраной.

Война... Ворвалась она в хутор на взмыленном коне, всадник только и крикнул — «сполох!» — и умчался дальше, оставив в растерянности оторванных от косьбы казаков, не осознавших до конца, какое несчастье на них навалилось. Через четыре дня увозили красные вагоны второочередников к русско-австрийской границе. За этими полками вскоре

последовали и казаки третьего призыва. Война поглощала с невероятной скоростью цвет казачьих хуторов в самое страдное время. Она чернела звериным ненасытным оскалом никому не нужная, никем не званная. Сгорали казаки в ее огне, не понимая всего, убивая чаще из страха, а не из ненависти.

Так убил первого врага Григорий: в пылу битвы, если б не меткий удар пикой, то вместо белобрысого австрийца лежал бы на поле он сам. Озверев от ужаса, не отвечая за свои действия, бросился Мелехов вдогон за австрийцами, на улицы предместья. Там и произошло второе убийство: разглядел Григорий и лицо жертвы, и руки, протянутые в мольбе, и раскрытые от страха глаза — доля секунды... и череп раскроен надвое... И взвалил на себя казак непомерную тяжесть, под которой гнулся, чернел и замыкался Григорий: в нем живы были слова, оброненные дедом Гришакой за свадебным столом, о пленном (не убитом!) янычаре: «Человек ить...» Но другая это война, и подвиги на ней другие.

Война калечила судьбы, жизни, нравственно уродовала простые души. Не узнал родного брата, встретив однажды, Петр Мелехов — постарел под своей ношей Григорий, не узнавал и он своих бывших хуторян, рядом с которыми не один год работал в степи: никого не обошла война стороной. Вот Алексей Урюпин, казак станицы Казанской, прозванный Чубатым. Он убил пленного венгра, с которым за несколько минут до этого мирно переговаривались, угощаясь табачком, казаки. Вот балагур и похабник Егорка Жарков умирает с вывернутыми наружу кишками. Вот Прохор Зыков, только что вернувшийся из лазарета, тая в уголках губ боль и удивление, учащенно моргает своими телячьими добрыми глазами, не в силах понять, что он делает посреди этого кошмара. Как-то осматривая у дороги убитого казака, в кармане его шаровар Григорий нашел книжечку, которую передал в штабе писарям. И те, нескромно посмеиваясь, прочитали ее, узнав коротенькую историю чужой жизни и любви, такую мелкую по сравнению с наступившей неожиданной развязкой.

Это был дневник казака-студента — откровенные записи предназначались для чтения разве что лучшему другу. Из дневника явствовало, что как-то в феврале (даже числа не вспомнить) познакомился Тимофей Иванович с медичкой второго курса Елизаветой Моховой. Они оказались земляками, немного поговорили, помолчали, посмотрели какой-то сентиментальный фильм и разошлись, обменявшись адресами. Лиза показалась ему девушкой красивой и неглупой, хотя и испорченной (это выдавали глаза орехового оттенка, но, в сущности, неприятные). Спустя несколько дней (судя по датам записей) казак-студент ощутил особый подъем (очень поспособствовал этому новый костюм, купленный на присланные вовремя отцовские деньги). Еще через несколько дней он переехал к Елизавете жить (ей потребовалось время, чтобы уладить отношения с предыдущим ухажером-венерологом). Месяц они прожили вместе, прожигая деньги Тимофея. Подъем (недели две), истощение, взаимные упреки и, наконец, разрыв. Для него — тяжелый, для нее — обычный. Для него — война и смерть, для нее — очередная любовная интрига.

Григорий Мелехов с легким ранением в глаз был вывезен с фронта и оказался в московской глазной больнице. За геройский поступок (контуженный, он вынес с поля боя раненого офицера) Григорий был представлен к награде. Здесь же в больнице познакомился Мелехов с украинцем-пулеметчиком Гаранжой. Желчный, язвительный сосед на многие волновавшие Григория с самого начала войны вопросы умудрился дать исчерпывающие ответы, пролив казаку новый свет на истинные причины войны, на правительство и самодержавную власть. С последней столкнулся Григорий напрямую уже в другом госпитале, куда перевели его на долечивание. Проездом из Воронежа госпиталь изволила посетить высочайшая особа императорской фамилии в сопровождении «должного количества свиты». Готовились к этому визиту тщательнейшим образом: как медперсонал, так и сами больные встречали гостей, вытянувшись по стойке смирно. Особа задавала «приличествующие ее положению и обстановке нелепые вопросы», раненые, вылупив больше положенной меры глаза, отвечали так же нелепо и невпопад, ответы

расшифровывал заведующий госпиталем. Подвели особу и к герою-казаку. Григорий стоял исхудавший, небритый, почерневший от болезни и мутивших душу размышлений. На обращение к нему члена императорской фамилии ответил, еле сдерживая злобу, что ему необходимо «по малой нужде сходить». Минутное замешательство прошло, особа, не уронив достоинства, что-то промолвив по-английски, отправилась дальше. А Григорий был рад хотя бы этой дозволенной дерзости. Сразу же после этого инцидента Мелехов был отпущен (выгнан) домой в отпуск.

Нерадостное довелось Григорию возвращение. Дошла грязь войны и до тех, кому судьбой выпало не уходить, а провожать и дожидаться. Умерла от скарлатины дочь Аксины, а через три недели вернулся на долечивание раненный в бою Евгений Листницкий. Гордый своим отважным поступком: ушел в полк из царской свиты, от тепла, безопасности и пустой болтовни — к риску, крови и смерти, — считал он теперь, что все ему дозволено, ведь чуть не погиб. Можно «пожалеть» жалмерку, потерявшую ребенка. И не важно, что муж и отец ее ребенка в это время рискуют собственной жизнью. Аксины действительно жалость эта пришла вовремя: чувствовала она, что годы уходят, проложив несмываемые складки вдоль губ и морщинки вокруг глаз, что жизнь опустела с уходом Григория и потеряла всякий смысл со смертью дочери.

Ласки и тепла хочется всякой женщине, что уж говорить о тех, чьи судьбы были изломаны, безвозвратно испорчены. Согнулась под бременем невостробованных желаний и Дарья Мелехова, всем существом своим жаждущая полноты жизни, получавшая лишь крохи. Порченой считали свою старшую невестку старики Мелеховы, а порченость эта в полной мере проявилась лишь теперь, с уходом Петра на войну. Загуляла жалмерка, возвращалась засветло и, смеясь, рассказывала подружке Наташе о маленьких своих подвигах. А Наталья ждала Григория, и, хоть посмеивалась над откровениями Дарьи, значительно в большей степени близки и понятны ей были секреты Дуняшки, которая выросла к своей пятнадцатой весне в стройную бойкую девушку с горящими миндалинами глаз.

Все эти новости навалились на Григория Мелехова сразу по возвращении: дед Сашка (конюх Листницких), хоть никогда не знал от нее никакой обиды, тем не менее первый сообщил о подлой измене Аксины — ее Григорий трогать не стал, а пана избил за себя и Аксиныю кнутом; развернулся и ушел к себе домой, в хутор. Встретила его там сухощавая черноглазая красавица девка, оказалось — сестра. Плакали от радости старики, бледная, растерянная Наталья. Радость была тем сильнее, что за время разлуки успели родные похоронить своего Григория (получили похоронку), а потом и погордиться (в письме от Петра, пришедшем на двенадцатый день после известия о смерти, сообщалось о присвоении Григорию Георгиевского креста и о производстве его в младшие урядники). Первый на хуторе Георгиевский крест отмечался всеми: даже Сергей Платонович, узнав об этом из газеты, передал Григорию посылочку. В первое свое возвращение домой остался Григорий с законной женой, чем еще больше порадовал стариков.

Вопросы и задания

1. Как меняет молодых казаков военная служба вдали от дома? (Гл. II.)
2. Какие явления в природе и происшествия в казачьей среде говорят о надвигающихся грозных событиях? (Гл. I, III.) Сопоставьте описания природы в первой и третьей частях романа: в чем они отличны и чем обусловлено их различие? (Ч. I, гл. I, IV и др.; ч. II, гл. III, XVI, XVII и др.)
3. Сравните первое и второе убийство Григорием врага в бою. В чем принципиальная разница этих убийств для Григория и для автора? (Гл. V.)
4. Какие эпизоды этой части романа в полной мере раскрывают авторское отношение к войне? (Гл. IV, V, VI, VII, VIII, IX, XII и др.)
5. Какую роль в общей композиции романа играет «вставная новелла», повествующая об отношениях студента Тимофея и Лизы Моховой? (Гл. XI.)
6. Как отразилась далекая война на судьбе Дарьи и Аксины? (Гл. XVIII, XIX, XXII.)